

Игорь Левченко / Фото: ОВД-Инфо

16.04.2025, 12:58

свой опыт

«Сотрудник колонии нашел номер мамы, написал ей и передал мне привет». Интервью с музыкантом Игорем Левченко после выхода из колонии

Музыканту Игорю Левченко 29 лет. Он родился и вырос в Донецке. В 2014 году, когда на востоке Украины началась война, они с мамой переехали в Москву. Спустя восемь лет, в первый день полномасштабного российского вторжения, Игорь опубликовал ролик с пожеланиями смерти российским солдатам. Левченко арестовали в марте 2022 года, а 28 июня судья Красногорского суда Елена Лаврова приговорила его к трем годам колонии по статье о «возбуждении ненависти либо

вражды» (п. «а» ч. 2 ст. 282 УК). Игорь вышел на свободу и уехал из страны. ОВД-инфо записал его рассказ.

«МЫ БЫЛИ ДЕЗОРИЕНТИРОВАНЫ И НАПУГАНЫ»

Я вырос в украинском Донецке. Ходил в обычную школу и очень ее любил. У меня осталось много друзей оттуда, с которыми мы до сих пор на связи, — они очень меня поддерживали, когда я был в тюрьме. Это замечательные люди, практически все они были вынуждены уехать. К сожалению, никто из нас не знает, сможем ли мы в обозримом будущем попасть домой и встретиться там все вместе.

Игорь Левченко (в центре) в возрасте 9 лет, участник вокального ансамбля «Мрія» / Фото из личных соцсетей

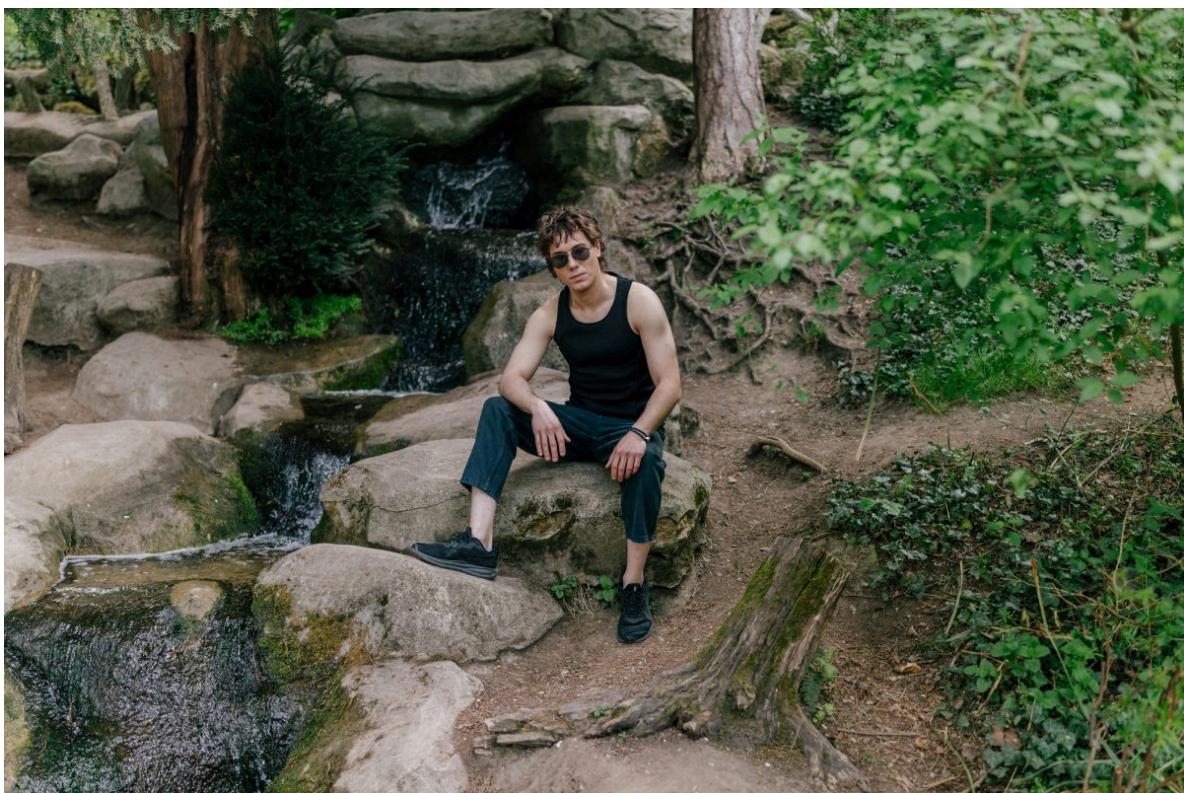
Война в Донецк пришла неожиданно. Весь первый месяц местные жители не понимали, что происходит. Никто не знал, кто эти люди, что взяли под контроль административные здания. Это были мужчины с закрытыми лицами и без каких-либо опознавательных знаков. Они не разговаривали, а местные жители их боялись. Здания, которые были ими захвачены, люди обходили стороной. Никто не знал, что они могут сделать. Не знаю, были ли такие случаи, но ходило много слухов о насилии и грабежах с их стороны, поэтому все старались ни в коем случае с ними не сталкиваться.

Никто не понимал, что происходит, все были абсолютно дезориентированы. Мы были напуганы. Ждали, когда наконец

верховная власть в Киеве наведет порядок. Мы не понимали, почему милиция не действует как надо. Почему не принимаются меры, чтобы остановить захват города некоторыми вооруженными людьми. События Крыма и Донбасса шли параллельно, и пока Владимир Путин не объявил, что Крым теперь в составе России, мы толком не понимали масштаба.

Мы со знакомыми активно следили и желали победы Майдану. Я сам был там два раза. Тогда я увидел огромное количество людей, не желавших мириться с курсом, который начал осуществлять тогдашний президент Виктор Янукович. Это был не только разворот в сторону России, но и попытки установить авторитарный режим.

Начались первые уголовные дела, [преследование](#) его главного оппонента Юлии Тимошенко. Вне зависимости от того, кто и как к ней относился, все прекрасно понимали, что это политическое дело. Если бы не [Революция достоинства](#), она бы провела в тюрьме долгие годы.

Игорь Левченко / Фото: ОВД-Инфо

«САМОЕ СТРАШНОЕ УТРО В ЖИЗНИ»

[В 2014-м] Дорога в Украину была осложнена из-за боевых действий. Спустя два месяца после начала войны мы уехали в Москву благодаря маминым партнерам по работе, которые находились в России. Мне тогда только исполнилось 18 лет, меня, в первую очередь, интересовала музыка. И, честно говоря, было ощущение, что вся эта ситуация скоро закончится — и в Донецке, и даже в Крыму, потому что поднялась большая волна неприятия в мире и даже в самой России. Казалось, что сейчас все помирятся и все будет в порядке.

Все годы я поддерживал тесную связь с украинской диаспорой, Домом украинского творчества на Старом Арбате [в Москве]. Мои друзья-россияне были, в основном, людьми из творческой среды и очень адекватных взглядов. Они полностью поддерживали меня в моих воззрениях на Донбасс и Крым и уж точно не были сторонниками Путина. У нас не возникало никаких споров.

Мне никогда не было особенно интересно, что происходит [во внутрироссийской политике]. Я всегда воспринимал Россию как временное место жительства. Единственное, что меня тронуло, — возвращение Алексея Навального после того, как его отравили. Во-первых, сам факт, что его отравили и пытались убить, во-вторых, его возвращение — это был смелый поступок.

Мне не нравилось все, что он говорил об Украине, и какие-то неоднозначные фразы насчет Крыма, но когда его арестовали и тем более после всего, что случилось после, я уже не мог думать о том, с чем был не согласен. Потому что это было ужасно, на физическом уровне ощущается несправедливость, когда с человеком, который никакой не преступник, такое происходит.

Я всю жизнь занимался музыкой. Выступал как автор, исполнитель и музыкант. В Москве я писал песни, работал

с группами, выступал и преподавал — у меня были свои ученики.

Игорь Левченко / Фото: ОВД-Инфо

Утро 24 февраля было, наверное, самым страшным утром в моей жизни. Мы все были в ужасном состоянии. Постоянно были на связи с родственниками и друзьями из Украины, узнавали, все ли у них в порядке. Я пытался понять, возможно ли внутри России это остановить. Тогда казалось, что да.

«НИ ПОД КАКИМ СОУСОМ НЕ МОГ ПРОИЗНЕСТИ ТАКОЕ»

24 февраля Игорь написал и **выложил** песню в своем инстаграме со словами «*Why should we fight? Why can't it be all right? Why should tears flow? Who needs this war? No war! We have to save lives! I hate guns! No war! No more! We never-never open this door!*»

Эта песня была моей эмоциональной реакцией [на войну]. Я написал ее очень быстро, буквально за несколько часов. У меня никогда раньше такого не было, обычно это более долгий процесс, а тогда все произошло в одночасье. Рассчитывал, что это может быть небольшой крупицей, чтобы россияне одумались.

Вечером того же дня мы ее записали в live-формате. «Нет войне» — тогда эта фраза казалась актуальной. Мы собирались на базе, где у нас должна была состояться обычная репетиция, но, естественно, ни о какой репетиции в тот день речи быть не могло.

Мы отменили всю творческую деятельность, все планы, все, что было намечено. Я готовился к отъезду — собирался вернуться в Украину, но у моей бывшей девушки не было загранпаспорта, и пришлось ждать. Она тоже из Донецка. В те дни я не слушал музыку, не смотрел фильмы, все внимание было направлено на новости, на то, как Украине удается держаться.

У меня было много публикаций [в соцсетях], и они не прекращались вплоть до дня ареста. Но та, за которую меня арестовали и завели уголовное дело, — это было видеообращение, оно тоже было записано в первый день войны. В нем я желал смерти Путину и российским солдатам, вторгшимся в Украину.

В марте меня вызвали в полицейский участок: позвонил полицейский и сказал, что меня хотят видеть [в участке] и пообщаться. Я думал: они уже уничтожают мою страну, бомбят города, что еще они могут сделать? Поэтому просто сказал, что приду. Я приехал туда 11 марта, и из этого участка меня уже не выпустили. Это был не то чтобы арест, скорее похищение.

Только 15 марта меня привезли в Следственный комитет, где уже официально предъявили обвинение.

Игорь Левченко и птичка / Фото: ОВД-Инфо

«СЛАВА РОССИИ ИЛИ СЛАВА УКРАИНЕ?»

Сразу после задержания в интернете появилась [видеозапись](#) с извинениями Игоря.

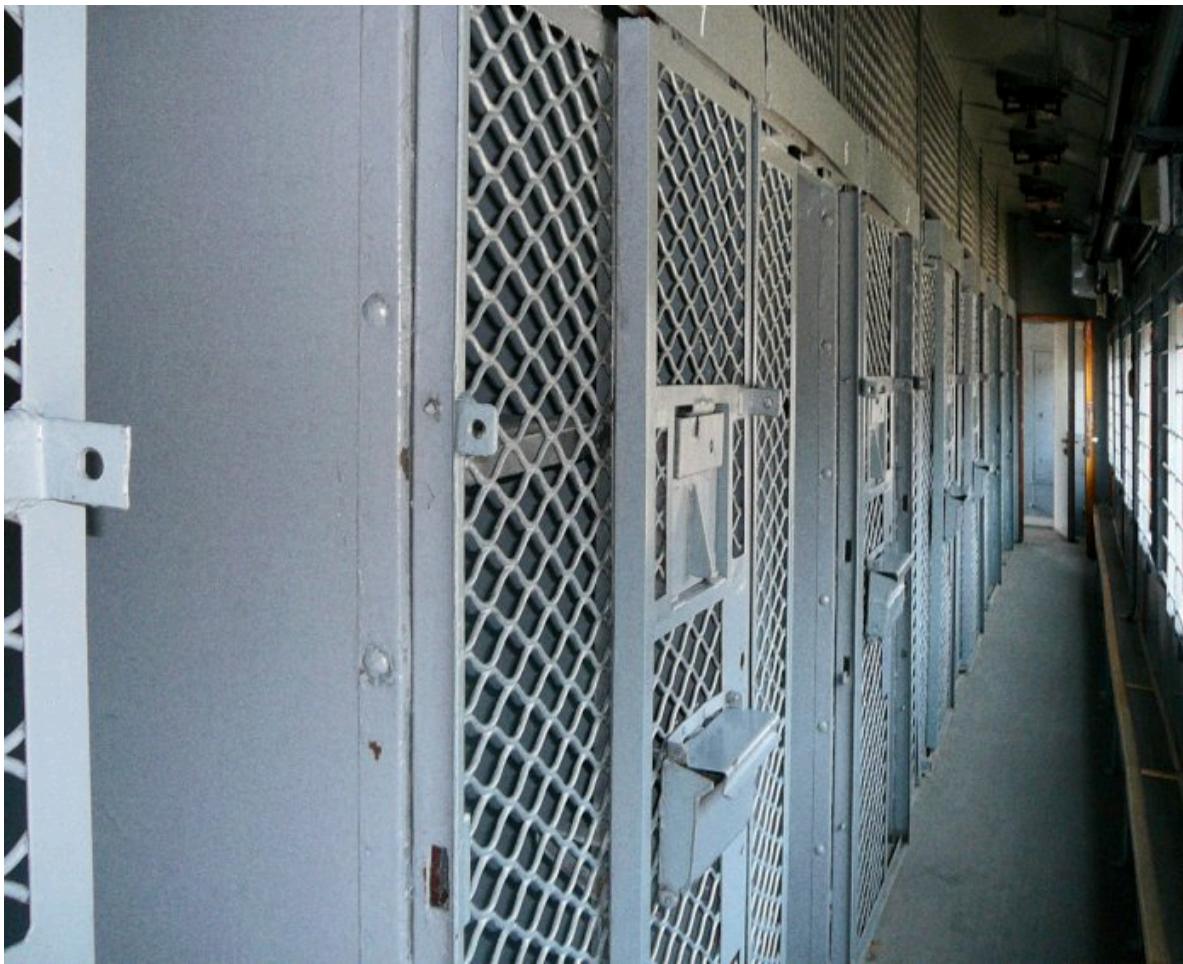
ВидеоОбражение, за которое меня задержали, было записано на телефон, который, как видно по картинке, кто-то держит в руках. Проведя нехитрые следственные действия, сотрудники пришли к выводу, что телефон держала Катя, моя бывшая девушка. Они сказали, что могут завести уголовное дело и на нее тоже — будет преступление, совершенное группой лиц.

Потом предложили сделку: записать некие фразы в обмен на ее безопасность. Я согласился. Они показали мне лист бумаги. Там был совершенный бред вроде «поддержки СВО» —

ни под каким соусом я не мог произнести такое. Я сказал, что не могу этого сказать, я буду выглядеть полным дураком, и они тоже. В итоге они оставили только извинения за пожелания смерти. Обещание они выполнили и завели дело только на меня.

Сначала меня закрыли в одиночной камере СИЗО и держали там полтора месяца. В какой-то момент я требовал, чтобы меня перевели в камеру, где есть люди, потому что быть одному все время очень тяжело. Я столько перечитал, пока там находился. В первый месяц это был «Скотный двор», потом — «Джейн Эир». Был смешной момент, когда я обратился к конвоирам и спросил, есть ли у них Тарас Шевченко. Мне не ответили.

После приговора начался большой этап. Это длилось несколько месяцев, и только в декабре меня привезли в колонию в Рязанской области. Поезд — это ужасно. Когда на улице мороз, там очень холодно, когда светит солнце, там очень жарко. Двадцать человек едут за решеткой в небольшом купе, рассчитанном на семерых. Спать в таком вагоне можно только сидя. Дорога может занимать двое суток: везут, потом выгружают, везут в какое-то местное СИЗО, где держат девять часов, и это считается отдыхом, хотя это мало похоже на отдых.

«Вагонзак» в музее железнодорожной техники им. Н. А. Акулинина / Фото: Wikimedia Commons

Потом ведут назад в поезд, и дорога продолжается. Даже в таких местах ты пытаешься создать себе хотя бы отдаленно напоминающие дом условия, пытаешься обжиться, а когда тебя все время возят с места на место, ты совсем лишаешься такой возможности. Было СИЗО, в котором меня снова посадили в одиночную камеру. Это самое худшее, что может быть. Это было очень жесткое СИЗО в городе Тольятти. Там меня избили.

Не знаю, было ли это самоуправство местной администрации или что-то другое. Когда меня туда привезли, сразу вывели в оперотдел и били со словами: «Ну что, слава России или слава Украине?» Это были два человека. Один из них точно был начальником режима, второй был какой-то уполномоченный. Они не задавали вопросы, просто побили и все.

«СТРАННЫЕ ВИКТОРИНЫ И ТАНКИ ИЗ СНЕГА»

Я сидел в колонии в Рязанской области. Это была исправительная колония общего режима в поселке Стенькино. По большей части [другие заключенные] мне сочувствовали и возмущались, за что могут посадить в этой стране.

У нас была небольшая колония. До моего приезда там было человек четыреста, на момент освобождения — чуть больше двухсот. Очень многие подписали контракты и поехали воевать в Украину.

[Приезд вербовщиков] похож на школьную линейку. Заключенных выводят, выстраивают на улице. Они [приехавшие] выступают, агитируют, говорят, в первую очередь, о деньгах, о выплатах, и суммы становились больше и больше с каждым разом. Обычно это были просто обычные, очень упитанные, сытые представители Министерства обороны.

Быт в колонии не сильно отличается от быта в СИЗО, в принципе. До приезда в колонию я там уже привык. Психологически в первую очередь нужно было себя настроить переждать [это время], продолжать хоть как-то заниматься тем, что тебе интересно. Я написал там несколько песен, и одну из них сейчас **выпустил** — на украинском языке, называется «Відповіси мені». В ней сосредоточены основные чувства, которые я там испытывал.

Игорь Левченко / Фото: ОВД-Инфо

Новости, в первую очередь, я получал из писем. Было много писем от самых разных людей и время от времени — с подборкой аккуратных [с точки зрения цензуры] новостей. Их не всегда пропускали, часто были задержки, возможно, чтобы новости стали чуть менее актуальны, но с переменным успехом их удавалось получать.

В какой-то момент письма вообще прекращали отдавать. Тогда я сразу писал заявления на имя начальника, даже в прокуратуру, потому что это нарушение Уголовно-исполнительного кодекса и правил внутреннего распорядка: заключенный имеет право получать письма без ограничения их количества.

Я для себя сделал вывод, что общение с политзаключенным может делиться на два типа: абсолютный трэш, когда человека пытаются уничтожить, или, наоборот, нарочито аккуратное отношение.

Когда относятся нарочито осторожно, это связано с оглаской и информационной поддержкой. Поэтому человеку нужно писать не только чтобы поддержать, но и чтобы защитить

от возможного давления. Если с ним что-то случится, об этом узнает общественность.

Несколько раз в день в колонии звучал гимн России, и я, правда, не совсем понимаю, для чего это нужно. Такими действиями даже человека с патриотическими взглядами можно переубедить. Были какие-то совершенно сумасшедшие вещи: танки из снега, которые лепили заключенные, странные викторины на [военные] темы.

Заместитель начальника ИК-6 Михаил Лопухов мне прямо сказал, что в моем случае любые варианты досрочного освобождения не практикуются. Был еще начальник воспитательного отдела Владислав Абросимов. Он тоже мне сказал, что даже не то что не нужно думать в этом направлении, а просто попытки этого добиться могут в разы ухудшить мою жизнь в колонии. По факту не ухудшило. Мой адвокат два раза подавал ходатайство, но, естественно, был отказ.

Были двое сотрудников, которые меня поддерживали. Не буду называть их имена, чтобы не навредить, потому что эти люди находятся в России. С одним из них на свой страх и риск я позволил себе откровенный разговор на тему войны и всего этого ужаса. Оказалось, это честный человек, который после освобождения нашел номер моей мамы, написал ей и просил передать привет. Потом я написал ему сам, он поздравил меня с освобождением и с тем, что моя страшная история закончилась. Он ушел из этой системы и хочет заняться творчеством.

Мне до конца не верилось [что я выйду]. Думал, новое дело может быть. Такие случаи уже распространены. Ждал со сдержаным оптимизмом.

Я почти не общался с людьми за месяц, что провел в Москве после выхода. Просто сидел дома. У меня было одно желание: поскорее уехать. За два месяца до моего освобождения колония подала ходатайство о назначении мне административного надзора. Это серьезное ограничение свободы. К счастью, нам

удалось оспорить его, и к тому моменту, как этот надзор вступил в законную силу, я уже уехал. Потом узнал, что в России меня внесли в «перечень террористов и экстремистов».

<https://t.me/sotavisionmedia/43750>

Я рад, что все это для меня закончилось. Пишу музыку, строю творческие планы. Но, конечно, не могу абстрагироваться от событий в Украине. Я все время слежу за новостями, на связи с друзьями и родственниками, у меня есть друзья и знакомые, которые воюют. Конечно, я всегда остаюсь в этой повестке.

Записала Марина-Майя Говзман